

**Анна
ЗОРИНА**

г. Новосибирск

«Задремало в ладошках море...»

ГОРОД

Тянулись года-провода по столбам за окраины.
Он рос и терпел, только всё это было неправильно,
Хранил переулками смайлов потёкшие рожицы,
Пока не попал в неуёмные руки художницы.

Весь город болел, окружённый гудящими трассами,
Набитый глухими от пыли домами-матрасами,
Безликими, в серую клетку, торговыми центрами,
Людьми, с неудачно смещёнными в жизни акцентами.

Она каждый день выходила писать его красками,
Пусть все светофоры всегда на пути были красными.
Смеясь, наполняла пространство цветными полотнами,
А люди сливались друг с другом, как тени бесплотные,

Брели, искривляясь душой и уставшими спинами.
Она рисовала им утро в июле малиновом,
И пляж с неизменными наглыми сизыми чайками,
И солнце кружочком лимона над чашками чайными.

Разбрызгала кистью кленовые скверы и лавочки,
Вплетая ромашками в город влюблённые парочки,
Чтоб тусклые мысли его становились не скучными,
И люди общались друг с другом, снимая наушники.

Она расписала цветами оконные ящики,
И люди впервые по городу шли настоящими.
С улыбками шли, не с угрюмыми кислыми минами.
И пахло из окон уютом и чаем жасминовым.

Анна Владимировна ЗОРИНА*родилась и выросла в Петропавловске (Казахстан).**Окончила Северо-Казахстанский государственный университет им. Манаша Козыбаева.**Принимала участие в различных литературных конкурсах, фестивалях и семинарах.**В журнале «Север» публикуется впервые.*

МОРЕ

Задремало в ладошках море,
Притворилось во сне анчаном*.
Чуть пригелось оно и вскоре
Заворочалось, заурчало.

Напустило волнистой ряби,
Побежали по ней барашки.
Лепестками осели крабы
На окраинах чайной чашки.

Обернулось покровом ночи,
Распустив по нему чернила.
Небо тоже покоя хочет
И чтоб море его хранило.

Только с этим никто не спорит —
Всем когда-нибудь нужен отдых.
В чайной чашке уснуло море,
И на дне его дышат звёзды.

* Анчан — тайский синий чай.

ЧАЙНАЯ КАРТА

Кажется, нет ни имён, ни названий — есть только здесь и сейчас.
Мысли тревожные шёлковой тканью тенью спадают с плеча.
Слился с шуршанием трав подорожных твой не проявленный след,
Катится медленно и осторожно старенький велосипед.

Мерно шагая, гудящие ноги переставляешь с трудом.
Встретит тепло в тишине у дороги кем-то оставленный дом.
Снова прозревшие окна веранды, рыхлая книжная пыль.
Книги тебе как хозяину рады, кто бы их здесь ни забыл.

Тени рождая под самую крышей, плавают в плошке свеча.
Листья смородины, мята и вишня — всё отправляется в чай.
Дремлет, объятый согретой рукою, кружечный белый горох.
Вечер, рождённый забытым покоем, молча шагнёт за порог.

Нет ничего: ни забот, ни тревоги — есть только здесь и сейчас.
В кружке на дне, между мятой и мёдом, тает земная печаль.

ДЕВОЧКА СО СПИЧКАМИ

Девочка помнит: измаялось в парке лето,
Кружат в карусели пони,
Жёлтое платье, что было на ней надето,
А маму уже не помнит.

Детская вера рассыпалась на осколки:
Отец, алкоголь и драки.
Добрым живётся мучительно и недолго —
Ей нравится ник Табаки.

Чай из пакета «какая-то там принцесса»,
Но это уже не важно.
В урну газету — давно не заботит пресса.
Бессмысленный хлам бумажный.

Девочка знает, её хорошо учили.
Хвалили, увы, не часто.
В старой джинсовке лежит шоколадка с чили.
Горчащий кусочек счастья.

Долгие сборы — плохая в пути привычка.
Горит под ногами клевер.
Девочка молча прикуривает от спички.
Дорога ведёт на север.

* * *

Дробят тишину разомлевшего лета
Шаги в унисон по садовым дорожкам.
Нет места и времени думать о прошлом,
И каплями солнце срывается с веток.

Владыка теней до того виртуозен,
Что путь наугад невозможен, неведом.
Стеклярусом света на пологие неба
Горят Персеиды, влюблённые в осень.

Сон августа — праздники напропалую,
В нём тают мгновения терпкой печали.
И в термосе с чаем коньяк не случаен,
И сладкие тайны хранят поцелуи.

Каштанов огромные жёлтые лапы
Роняют коробочки-метеориты.
Мы словно два тела, сошедших с орбиты:
Так хочется верить, так хочется плакать.